

*“Листая старые дела”
100-летию кубанского сыска посвящается*

**Всем отделениям
уголовного розыска**

Андрей
ФАНИИЕВ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Краснодарское краевое отделение
Общероссийской общественной организации -
Ассоциация ветеранов боевых действий ОВД и ВВ России

18+

Андрей Фаниев

**Всем отделениям
уголовного розыска. Часть 2**

«Автор»

2023

Фаниев А. В.

Всем отделениям уголовного розыска. Часть 2 / А. В. Фаниев —
«Автор», 2023

В первые годы после свержения царского строя Советская республика столкнулась с валом преступности. Амнистированные Временным правительством уголовники - «птенцы Керенского», дезертиры и белогвардейские офицеры - объединяются в полувоенные хорошо вооружённые отряды. Крестьяне бросают мирную жизнь и подаются в бело-зелёные банды. По кубанским степям и Екатеринодару проносится волна убийств и грабежей. Русский офицер, до революции служивший в Екатеринодарском сыскном отделении, хочет эмигрировать за рубеж, но, не успев попасть в Новороссийск, вновь становится агентом уголовного розыска, где встречается со своим другом и наставником, бывшим начальником Екатеринодарского сыскного отделения А.П. Пришельцевым. Раскрыв ряд тяжких преступлений, он планирует начать мирную семейную жизнь, но на Кубань высаживается десант под командованием белого генерала Улагая, и ему предлагают возглавить диверсионную группу, сформированную из сотрудников милиции. На основе реальных событий.

© Фаниев А. В., 2023

© Автор, 2023

Андрей Фаниев

Всем отделениям уголовного розыска. Часть 2

Конь бешеным галопом мчал Лавра навстречу солнцу. Копыта выбивали дробь по сухой, растрескавшейся глине. Из гимназического курса географии ему было известно, что так называется такыр¹, но никак он не мог понять, как там оказался. Внезапно конь споткнулся, и, вылетев из седла, он проснулся.

Стук копыт прекратился, и незнакомый громкий голос из-за двери повелительно крикнул: – Ермаков! Общая тревога! Срочно явиться на службу!

– Сейчас! – крикнул он, но подбежав к двери, услышал только стук каблуков убегающего по лестнице посыльного. Быстро одевшись, Лавр выскочил на улицу, ожидая увидеть суматоху и панику, но в городе было тихо. Озадаченно покачав головой, он взглянул на часы и направился в уголовный розыск. Через квартал его догнал Плякин: – Доброе утро, Лавр Палыч! Что за беда стряслась, не знаете? Неужели опять война?

– Скорее всего, ещё доброй ночи! Только 4.40 утра, – ответил он, – война, вряд ли, а вот какая-нибудь банда вполне могла прорваться на окраину.

– А нас чего дёргать! – возмутился Василий, – войск, что ли в городе мало? Все синематографы и театры ими забиты, ещё не хватало нам за них воевать!

– Потерпи полквартала, – сказал Лавр, закуривая, – и всё будет ясно.

В отделении, кроме Ванина, встретившего их на пороге, никого не было.

– Под Ачуево и Новороссийском врангелевцы десант высадили, под командой Улагая²! – не здороваясь, сказал он, – всех в городском отделе собирают. Вы туда идите, а я Ростовцева с Александром Петровичем дождусь, и с ними приду.

Быстрым шагом они направились в центр города, по дороге встречая знакомых сотрудников. Около отдела уже собралось довольно много людей. Лавр обратил внимание, что все пришли с оружием, у некоторых за плечами торчали винтовочные штыки, тускло поблёскивающие в предрассветном тумане.

Порученцы челноками сновали в толпе, раздавая никому непонятные указания. Он заметил Пашинцева, который зачем-то пытался построить всех по отделам милиции.

– Первый отдел, перегруппируйтесь на правый фланг, – надрывался он, – за ним второй отдел! Вспомогательный состав! Вы в самом конце!³ Следователи! Ну, кто вам сказал становиться здесь! Перед конной милициейстройтесь, – неожиданно по толпе пронёсся шум. – Тихо! Дудин вышел! Сейчас Иван Григорьевич говорить будет, – раздавалось со всех сторон.

На грузовик, служивший импровизированной трибуной, поднялся крепко сложенный мужчина с наголо обритой головой. Из-под серого английского френча выглядывала тельняшка. Он поднял руку, призывая к тишине: – Товарищи! Белая гидра контрреволюции в предсмертной агонии пытается нанести ядовитый укус рабочему классу и трудовому крестьянству! Сегодня Добровольческая армия под командованием генерала Улагая высадила десант в районе Приморско-Ахтарской и под Новороссийском. Врангель и его приспешники рассчитывают на поддержку бело-зелёных банд и казачества. По их коварному плану десант должен создать антисоветский фронт на юге, что даст возможность требовать у Антанты помощь для борьбы с нашей молодой республикой! Но его планам не суждено сбыться! Красная Армия железной стеной встала на пути белогвардейской нечисти!

Товарищ Ленин, зная о контрреволюционных настроениях определённой части населения и глубоко понимая сложность обстановки на Кубани, прямо указал товарищу Дзержинскому – «Надо во что бы то ни стало не допустить восстания, не пожалеть на это людей

и сил!»⁴. В помощь фронту партийная организация Кубано-Черноморской области провела большую политическую и военную работу. По решению обкома партии по всей области объявлена «Неделя борьбы с Врангелем»!⁵

Мы вырвем белое жало и плечом к плечу встанем на защиту молодой Советской республики!

Сейчас все расходятся по рабочим местам и остаются до особого указания. Начальникам и командирам обеспечить готовность личного состава на службе!

У Лавра зануло сердце. Людмила, пробыв с ним четыре дня, вернулась в полк, который стоял под Лабинской в летних лагерях.

– «Не знаю как нас, а их кавполк точно туда отправят», – озабоченно подумал он. За эти дни, распробовав семейного счастья и клещами вытащив из Людмилы обещание демобилизоваться при первой возможности, он искренне надеялся, что в ближайшее время она вернётся.

От нерадостных мыслей его отвлек голос Ростовцева: – А как теперь работать будем?

– Как работали, так и будем, – ответил Юхно, – поменьше с Октябриной погуляешь и побольше дел раскроешь. Ты по грабежу на кладбище всех опросил?

– Кого там опрашивать! – возмутился Семён, – потерпевшие – мать с дочерью. Кроме них на кладбище никого не было!

– А вот я нашёл свидетелей, – наставительно произнёс Яков, – не поленился и сходил к сторожу. Там ещё в склепе беспризорники живут. Они рассказали, что по кладбищу постоянно шастают трое парней. Не поленись, возьми пару милиционеров, посиди в кустах и поймаешь кого-нибудь, а то ты в засаде только у спортклуба сидишь.

– Яков прав, – улыбнулся Пришельцев, – не насчет спортклуба, а в отношении засады. Идея очень хорошая!

– Правильно! – воскликнул Плякин, – а из Октябрины живца сделаем! – Семён засмеялся и кинул в него лист скомканной бумаги.

– Лавр Павлович! Вас к телефону! – крикнул из коридора Ванин и, прикрыв ладонью микрофон, добавил: – Секретарь начальника областной милиции.

– Интересно, – подумал он, беря трубку, и вдруг у него впервые в жизни, по настоящему, кольнуло сердце, «Людмила? Нет, не может быть!»

– Товарищ Ермаков? – сквозь шипение и треск электрических разрядов пробили строгий мужской голос.

– Так точно, – напряжённо ответил он.

– В 16.30 вам надлежит прибыть к начальнику областной милиции. Прошу не опаздывать.

У него отлегло от сердца. «Если бы что-то с Людмилой, сказали бы сразу, наверное, совещание», успокоил он себя.

Вернувшись в кабинет, Лавр рассказал о вызове и поделился своими страхами. Пришельцев рассмеялся: – Милый Лавр Павлович, вы прекрасный сыщик, но полный профан в кадровой службе! В послужном формуляре вы числитесь холостяком, и соответственно почтеннейшая товарищ Донская тоже, так что выбросьте из головы дурные мысли и идите со спокойной душой!

В кабине у Дудина был Шипулин и трое незнакомых мужчин, которые внимательно стали разглядывать Лавра.

– Агент уголовного розыска Ермаков, по вашему приказанию прибыл! – доложил он.

– Присаживайтесь, Лавр Павлович, – сказал Дудин и, обращаясь ко всем, добавил, – это тот самый товарищ Ермаков, о котором говорил Родион Тимофеевич.

– Лавр Павлович, скажите, где вы воевали? – спросил один из незнакомцев, показавшийся ему смутно знакомым.

– Юго-Западный фронт, 9-я армия генерала Лечицкого, 3-й кавалерийский корпус генерала Келлера. Участвовал в бою под Хотинном и Брусиловском прорыве, где получил ранение. После излечения был переведён на Кавказский фронт, при возвращении был вторично ранен под Шамкиром.

Мужчина одобрительно покачал головой и повернулся к остальным: – Получить лично из рук Келлера «Георгия» и эскадрон, это лучшая характеристика.

Лавр, молча стоял, напряжённо вспоминая, указывал ли он это в послужном списке.

– Если не ошибаюсь, вы закончили войну штабс-ротмистром?

– Так точно! – ответил Лавр, непроизвольно принимая строевую стойку. Это не укрылось от незнакомца, который, обернувшись, к присутствующим, произнёс: – Я полагаю, товарищи, Лавр Павлович – именно тот человек, который нам нужен.

И не дожидаясь мнения остальных, предложил: – Будьте любезны, присаживайтесь. В связи со сложившейся обстановкой нами принято совместное решение сформировать отряд из милиционеров, который будет выполнять оперативные задачи в прифронтовой полосе и в тылу врага. Как опытному офицеру-фронтовику и сотруднику с большим оперативным стажем, мы хотим предложить возглавить это подразделение вам...

Сделав небольшую паузу, он с лёгкой усмешкой добавил: – Вы готовы встать во главе лучших милиционеров Кубани?

Лавр обратил внимание, что Дудин и Шипулин не перебивают, а только покачивают головами. «Отказываться нельзя», – сразу понял он, и не колеблясь, ответил – Так точно! Разрешите несколько вопросов для уточнения задачи?

– Да, конечно... Слушаю вас, – слегка наклонив голову, произнёс незнакомец.

– Отряд планируется пеший или кавалерийский? Какова численность, основные задачи и кому он будет непосредственно подчиняться?

– Сразу видно, серьёзный подход – одобрительно сказал он, – отряд кавалерийский, около десяти-пятнадцати сабель. Основная задача – разведка и немедленная реализация полученной информации, путём проведения глубоких рейдов в тыл противника для совершения диверсионных актов. Подчиняться вы будете непосредственно Реввоенсовету, – он кивнул на сидящего рядом мужчину, – товарищу Анучину⁶, – и, усмехнувшись, добавил, – тоже боевой офицер, правда, всего лишь подпоручик и товарищу Полуяну.

– Определённые вами задачи вполне по силам полковой разведке, – недоумённо пожал плечами Лавр.

– Правильно, но во время войны с внешним врагом! Мы ведём войну с противником, имеющим серьёзную поддержку среди населения, и именно здесь может понадобиться ваше оперативное мастерство.

Лавр встал: – У меня будет время для передачи дел коллегам?

– Да. Ждем вас завтра к 8.00.

Когда за ним закрылась дверь, один из мужчин сказал: – Толковый и грамотный человек. Я бы задал именно эти вопросы, только меня, товарищ Ландер⁷, смущает его прошлое, всё-таки в царской полиции служил, вдруг вожжа под хвост попадёт и сбежит!

– Ермаков проявил себя только с положительной стороны, – произнёс Шипулин.

– Родион Тимофеевич то, что вы боретесь за подчиненных, это прекрасно, но он служит у вас всего неполные пять месяцев, – ответил мужчина, назвавший Лавра толковым и грамотным сотрудником.

Ландер снял очки и спокойно сказал: – Никуда он не сбежит, Яков Саулович⁸. Его пассия, с которой он сожительствует, если я не ошибаюсь с 1907 года, и тщательно это скрывает, комиссар полка 8-й армии. У неё безупречный послужной список и совместный ребенок, –

он подышал на стёкла очков, не торопясь протёр замшевой тряпочкой, и ещё раз, задумчиво повторил: – Никуда он не сбежит...

Когда в кабинете у Дудина остался только Котляренко, Иван Григорьевич спросил: – А какова была необходимость привлекать к этой работе сотрудников уголовного розыска?

Немного помолчав, Дмитрий Павлович закурил: – Дело вот в чём: у нас имелась информация, что в Екатеринодаре белогвардейцы готовят восстание. Как только мы узнали о десанте, то сразу же в распоряжение штаба 9-й армии был выделен отряд из числа чекистов и начата операция по разгрому вражеского подполья. Уже к утру нами было ликвидировано несколько белогвардейских конспиративных квартир, изъято большое количество оружия, в том числе и несколько десятков пулемётов⁹.

Дудин удивлённо взглянул на него.

– Вы не ослышались, – сказал Котляренко, – именно несколько десятков! Представляете, если бы они заговорили в Екатеринодаре! У нас просто не хватает людей, и мы решили привлечь к делу Ермакова, тем более, что он прекрасно себя проявил.

Передав все материалы, Лавр зашёл к Пришельцеву попрощаться. Александр Петрович выглядел расстроенным, крепко обняв, он прижал его к себе, затем отстранил и, держа за плечи, сказал: – Зная вас, я не смею просить, чтобы вы берегли себя и были осторожны. Прошу только об одном! Возвращайтесь живым, потерять вас во второй раз я не смогу, – и печально улыбнувшись, добавил, – пощадите старика!

Лавр молча обнял дорогого друга, развернулся и вышел из кабинета, тихо прикрыв за собой дверь. Александр Петрович перекрестил его вслед, вытер покрасневшие глаза и, тяжело вздохнув, сел писать план оперативных мероприятий.

Заскочив домой, он быстро собрал нехитрые пожитки, и вдруг задумался: «А куда идти? Кто и как будет подбирать бойцов и вооружение?» – немного поразмыслив, Лавр, наконец, решил – «В конце концов, это отряд Екатеринодарской милиции, значит надо идти к Шипулину в городской отдел».

– Заходите, – махнул рукой Родион Тимофеевич, увидев его в коридоре. Закрыв за ним дверь, он спросил – дела передали?

– Да, – коротко ответил Ермаков.

– Отлично! Завтра в 8.00 ваши бойцы будут собраны в актовом зале. Отобрали двенадцать человек, самых лучших, вы – тринадцатый!

– Тринадцатый, – покачал головой Лавр.

– Суеверие пережиток прошлого, – усмехнулся Родион Тимофеевич, – кто знает, может для вас это счастливое число! Сейчас сходите в хозотдел, отберите оружие, которое считаете необходимым, пистолеты и револьверы есть у всех.

Лавр непроизвольно покосился на настенные часы. Перехватив его взгляд, Шипулин сказал: – Оружейник на месте, будет с вами, пока не закончите.

Войдя в склад, он огляделся и, увидев уже знакомого ему Михалыча, поздоровался: – Это вам пятнадцать человек вооружить треба? – спросил он.

– Тринадцать, – сказал Лавр.

– Уже проще, – оружейник кивнул головой, – со складов завезли винтовки, ещё в смазке.

– А шашки? Еще пулемётов пару бы.

– Тоже найдём.

– Если винтовки складские, то можно просто отложить, все равно пристрелять их надо.

Штыки ни к чему, а шашки и пулемёты нужно будет глянуть.

– Сейчас сделаем, – опять кивнул Михалыч и поманил его за собой.

На полу лежала гора холодного оружия. В основном там были казачьи шашки, кавалерийские, драгунские сабли и даже невесть как попавшие сюда два палаша, которые своими прямыми тяжёлыми клинками резко отличались от хищно изогнутых кавказских шашек. Особенно было много пехотных сабель. Кое-где выглядывали аннинские «клюквы» и георгиевские темляки. Приглядевшись, он заметил позолоченную гарду с надписью на дужке «За храбрость».

Лавр восхищённо хмыкнул: – Весьма достойно!

– Я вот все их знаю, – сказал Михалыч, – только вот одну саблю впервые вижу, – он хитро прищурился, вытянул из кучи один из клинков с необычной рукоятью и протянул Лавру.

– Прекрасное оружие, – с уважением произнёс Ермаков, – только это не сабля, а офицерский клыч¹⁰ Уральской сотни лейб-гвардии Сводно-казачьего полка.

Он быстро отобрал тринадцать простых шашек, проверил крепление клинков в рукоятках и легко ли выхватываются из ножен. Отложив их в сторону, Лавр удовлетворённо произнёс: – Ну вот вроде с шашками пока закончили.

Михалыч вытянул из кучи саблю с позолоченным эфесом: – Может, себе как командир, эту возьмёте?

Ермаков отрицательно покачал головой – Наградное оружие должен носить только хозяин, а в случае гибели или смерти, оно хранится в семье как память о доблести предка. Давайте пулемёты посмотрим. Нужны Гочкисы или в крайнем случае Льюисы: ими с седла работать можно.

– Мадсен и Шош тоже для кавалериста удобны, – сварливо ответил Михалыч.

– Мадсен сложен в обслуживании, да и с патронами на него трудновато, а у Шоша затвор тяжёлый, прицеливаться нелегко, сошки слабые, и неухватистый он.

– Вы часом не Михайловское¹¹ заканчивали, я запомнил, как вы себе пистолет подбирали.

– Нет, не сподобил Господь, – улыбнулся Лавр, – я ещё вот о чём хотел попросить, пожалуйста, пусть будут карабины, в крайнем случае, драгунского или казачьего образца.

Без десяти восемь Лавр уже был в зале и приготовил карандаш, чтобы сделать список отряда, но он не понадобился. Ровно в восемь дверь открылась, и в зал вошли двенадцать человек. Один из них подойдя, приложил руку к фуражке, отрапортовал: – Товарищ командир, бойцы особого милицейского отряда для выполнения боевой задачи прибыли. Рапорт отдал старший милиционер Сабельников, – и протянув лист бумаги, добавил, – это поимённый список.

– Вы флотский? – догадавшись по ударению на последнем слове в слове «рапорт» спросил Лавр.

– Бригады сухопутного фронта, крепости императора Петра Великого по обороне Ревеля и Моонзундских островов боцманмат¹² Сабельников, – приняв строевую стойку, ответил мужчина и скромно добавил, – из морской пехоты будем.

– Очень рад знакомству товарищ Сабельников, – сказал Лавр и подумал – «А как у тебя, моряк, с конями дело обстоит?».

Быстро пробежав список глазами, он предложил всем сесть. Двадцать четыре пары глаз разного цвета внимательно и с интересом смотрели на него, ожидая продолжения. Лавр представился и спросил: – Кто из вас воевал в империалистическую?

Все дружно встали. – Прекрасно! – произнёс Ермаков, – попрошу по очереди назвать род войск.

– 30 -й артиллерийской бригады, младший фейерверкер Сухоруков.

– 3-й Кавказской местной инженерной команды, саперного взвода рядовой Окунев.

– 1-го эскадрона 2-го Полтавского полка Кубанского казачьего войска приказной Трапезников.

– 153 – го пехотного Бакинского полка, телеграфного отделения рядовой Власов.

Когда последний, коренастый крепыш, вытянувшись во фронт, доложил: – 16-го драгунского Тверского полка драгун Овчинников! – Лавр одобрительно улыбнулся: – Все с Кавказского фронта и с Кубани¹³. У нас, товарищи, представлена целая армия в миниатюре. Четыре пехотинца, пять кавалеристов, сапёр, связист и моряк! Среди вас есть Георгиевские кавалеры? Все вновь поднялись. Лавр удивлённо мотнул головой и приложил руку к козырьку: – Командовать такими солдатами – это большая честь, я приложу все усилия, чтобы быть достойным командиром. Я служил, – он не успел закончить, как его мягко перебил один из бойцов, – вам, Лавр Павлович, лично генерал Келлер «Георгия» на грудь прицепил, а Артур Федорович крестами не разбрасывался. Я сам свидетель как вы воевали, и товарищи про вас через меня знают. А Дмитрий нам рассказал, как вы на аэроплане один к бандитам полетели дивчину спасать!

Лавр слегка растерялся: – Откуда такая информация?

Парень в ответ весело рассмеялся: – Так я же в 4-м эскадроне, у Абрамова был!

– Да... – только и смог произнести он, – мир гораздо теснее, чем нам кажется.

После знакомства напряжённость пропала, и Лавр рассказал о визите к оружейнику.

– Шашки там имеются в избытке, кому в руку не ляжет, может поменять. Винтовки за городом пристреляем, я видел на складе «мушковод»¹⁴, думаю, не откажут. После того как вооружимся, пойдем на конюшню, коней смотреть, – оглядев своих новых бойцов, он остановил взгляд на Сабельникове – Как у вас с конной подготовкой?

– Мы станичные все. С измальства к коням приучены. Я с детства без седла по окрестностям Уманской¹⁵ гарцевал.

Лавр облегчённо вздохнул: – И последнее, товарищи, всем необходимо переодеться в крестьянскую или рабочую одежду. Да, вот ещё, самое главное! Проверьте карманы, документы, проясняющие вашу личность, необходимо оставить или в рабочем сейфе, или дома.

Бойцы уже почти закончили выбирать коней, когда вдруг раздался нарастающий стрекот. Мотоциклист в запыленном комбинезоне, лихо затормозив, спросил: – Кто из вас Ермаков?

Передав повод, Лавр подошёл к нему. Мотоциклист, не снимая очков, сказал – Садитесь сзади и держитесь крепче! Вас ждут!

– Сергей Анатольевич, за старшего остаётесь, – крикнул он Сабельникову – вернусь с новостями!

Взметнув облако пыли мотоцикл, оглушительно грохоча, помчался по улице, распугивая собак. Лавр не успел насладиться быстрой ездой, как круто заложив вираж, они остановились около Реввоенсовета.

– Вам в восьмой кабинет, к товарищу Анучину, – прокричал мотоциклист и, обдав на прощание облаком сизого дыма, исчез за поворотом.

Сергей Андреевич поднял на него покрасневшие от недосыпания глаза и поздоровавшись, спросил: – Когда готовы выступить?

– Через двадцать минут, – ответил Лавр и, увидев вопросительный взгляд, пояснил, – это время, чтобы дойти от вашего кабинета до городской милиции. Отряд вооружён, посажен на коней и ждёт команды.

Анучин удовлетворенно кивнул: – Отлично! На совещании вам в общих чертах обрисовали задачу, сейчас я хочу обозначить её более конкретно! Это сбор информации, проведение диверсий и выявление пособников, с которыми поступать по законам военного времени.

Он подошёл к карте, висевшей на стене: – Обстановка на сегодняшний день сильно осложнилась. Основная часть 9-й армии отвлечена на борьбу с бело-зелёными. Фостиков сумел

захватить Баталпашинский отдел¹⁶ и значительную часть Лабинского. Авангардные части под командованием Улагая, форсированным маршем движутся к Тимашевской, откуда открывается прямая дорога на Екатеринодар. Он коротко ткнул карандашом в карту – Слева Бабиев¹⁷, он уже на подходе к Брюховецкой! – карандаш спустился ниже – На правом фланге Шифнер-Маркевич¹⁸ рвётся к Гривенской! У нас есть все основания опасаться, что они займут указанные станицы. С Кавказского фронта, к нам на помощь выдвинулись свежие части и мы, безусловно, утопим их море, но для подготовки и нанесения главного удара нам необходим резерв времени для создания численного перевеса, которого у нас нет! Сегодня нет!

Анучин вернулся к столу: – Самое неприятное в сложившейся ситуации то, что каждая захваченная станица вселяет надежду в контрреволюционные силы и привлекает под белые знамёна новых повстанцев, – протянув Ермакову раскрытую пачку папирос, он продолжил, – стремительно продвигаясь вперед, они не успевают обеспечить своевременный подвоз боеприпасов.

Лавр наклонил голову: – Безусловно, ведь авангард движется значительно быстрее обоза. Наша задача сорвать подвоз боеприпасов?

– Да! – сказал Сергей Андреевич, утвердительно пристукнув кулаком по столу, – этим вы не дадите Улагая развить наступление!

Вернувшись в горотдел, Лавр собрал всех в зале, рассказал о разговоре с Анучиным, а затем, расстелив на столе карту, продолжил: – Направление главного удара десанта – Екатеринодар. Сейчас они уже под Тимашевской. Подвоз снарядов будет происходить по железной дороге через Роговскую. Нам необходимо базироваться где-нибудь неподалёку.

– А давайте в Лебедях лагерем станем, – неожиданно предложил сапёр, – там плавни недалеко, если что, и схорониться можно. Вы сказали, что Шифнер-Маркевич на Гривенскую нацелился, вот мы как раз между ними и будем. Лебеди хутор небольшой, для них интереса не представляет. У меня там брат двоюродный живёт, у него на лимане хатёнка имеется. Он её рыбачим станом зовёт. О ней мало кто знает, в одиночку со свёкром промышляют.

– Пётр дело говорит, – покачал головой Сабельников, – оттуда можно в обоих направлениях действовать, и у белых в тылу будем находиться.

Лавр согласно кивнул: – Да, предложение дельное. Тогда сейчас и выступим. Пойдём на Медвёдовскую, а там уйдём на Лебеди.

Все одобрительно покачали головами, один из милиционеров добавил: – Да, так складно выйдет. Если сейчас выдвинемся, аккуратно по темноте сквозь вражьи кордоны проскочим.

– Все готовы? – спросил Лавр и, увидев единодушный кивок, улыбнулся – тогда, товарищи, по коням!

Когда они выехали за город, он специально приотстал и стал внимательно смотреть, как его бойцы держатся в седле. Все сидели уверенно, ни у кого колени по сторонам не торчали, а поводья были подобраны.

– Рысью! Марш! – он с удовольствием, протяжно как на плацу, подал команду. Маленький отряд дружно перешёл на рысь. Через несколько минут Лавр скомандовал: – Полевым галопом! Марш-марш!

Пыль вихрем вырвалась из-под копыт, и кони стремительно помчались вперёд. Выдержав заданный аллюр около трёх минут, он протяжно крикнул: – У-бавь!

Команда была выполнена правильно, никто не стал резко сбавлять темп, сначала все слаженно перешли на рысь, а только потом перевели коней на шаг.

Через четыре часа отряд остановился на привал. Присмотрев неподалёку заросли орешника, Лавр подошёл к одному из кавалеристов: – Сергей Иваныч, пойдём, поможешь. Хочу прутков навтыкать, посмотрим, как лозу рубят.

– Нужное дело, – покивал головой кавалерист, – коня под брюхо шпынять любой станичник горазд, а вот шашкой не каждый смогёт!

Они быстро нарезали длинных хворостин и воткнули их вдоль обочины. Когда все сели в сёдла, Лавр посмотрев на ширину дороги, scomандовал: – К рубке лозы! Шашки к бою! В колонну по одному! Дистанция два коня! Галопом! Марш!

Подъезжая, Лавр ещё издали заметил, что две лозины продолжают торчать по обе стороны дороги. «Мне оставили», понял он. Пустив коня в намёт и выхватив шашку, он срубил одну в полуметре от земли, затем перебросил клинок в левую руку, чуть потянув повод, развернул коня и изогнувшись, хлётким ударом срезал вторую.

Когда лозины остались далеко за поворотом, кавалерист тихо сказал соседу, служившему в пехоте: – Толковый командир, службу знает и коней бережёт! Мы кукурузу проезжали, мог бы туда загнать нас на рубку, а он не поленился, лозы нарезал.

– А чего на поле не поехали?

– Кукурузным листом на скаку коня порезать можно, – ответил кавалерист, подбирая повод и ласково оглаживая конскую гриву.

– Лавр Палыч, – крикнул один из бойцов, – Медвёдовская на горизонте.

– Прекрасно! – ответил он, и, взглянув на часы, добавил: – По графику движемся! -

Свет от керосиновой лампы тускло играл на золотом шитье погон. Фитиль почти прогорел и начал чадить. Улагай раздражённо поморщился и чуть сильнее, чем следовало, надавил на карандаш. Грифель обломился с тихим хрустом.

– Поручик! Принесите нормальный свет и карандаш! Карты не видно, невозможно работать! – крикнул Сергей Георгиевич.

Молодой офицер в мундире с аксельбантом внёс лампу со свежим фитилём и, положив рядом несколько заточенных карандашей, вышел тихо прикрыв дверь. Генерал неодобрительно посмотрел ему вслед: «Не иначе, как уже отписал маменьке, о своих геройских подвигах! Театр военных действий, а он при аксельбантах. Наверное, уже видит себя на параде в Екатеринодаре!»

Он вновь склонился над картой, отмечая линию фронта по последним донесениям.

«Бабиев молодец! Кавалерийскую дивизию под Бриньковской разбил вместе с бронепоездом. Говорил, что Левандовского¹⁹ за малым не пленил», думал он, тщательно нанося на карту красную стрелку, направленную на Тимашевск. Народ начинает подниматься. Если удастся соединиться с Фостиковым, то успех обеспечен!

– Ваше превосходительство, – раздался голос адъютанта – к вам просится на приём, – и, помявшись, добавил – офицер с той стороны.

– С той стороны? – Сергей Георгиевич удивлённо поднял брови, – что ж, просите ...

Поручик расстегнул кобуру и приоткрыл дверь.

– Вы решили выступить в роли телохранителя? – усмехнулся Улагай.

– Я не прошу себе, если по моей вине Россия потеряет последнюю надежду в вашем лице, – просто сказал адъютант, – можете отдать меня под суд, но пока мы не узнаем его намерений, я вас с ним наедине не оставлю, – и не дожидаясь ответа, крикнул: – Войдите, господин есаул!

В комнату вошёл высокий мужчина с неумело перевязанным плечом. Сделав три чётких шага, он принял строевую стойку: – Командир 3-й сотни 1-го Хопёрского, Её Императорского Высочества Великой Княгини Анастасии Михайловны полка, Кубанского казачьего войска есаул Омельченко. Прибыл в ваше распоряжение для дальнейшей службы.

– Присаживайтесь, – кивнул Улагай, – расскажите, откуда вы и как вам удалось пробраться?

Когда Свят закончил, генерал задумчиво произнёс: – Значит, вы утверждаете, что красные знали о готовящемся десанте...

– Так точно, ваше превосходительство, – Омельченко вскочил и вытянулся по стойке смирно.

– Не беспокойтесь, – махнул рукой Сергей Георгиевич, – как вы считаете, можем ли рассчитывать на поддержку местного населения?

– Можете, – глядя ему в глаза, твёрдо ответил Свят, – уже везде вспыхивают восстания. Народ поднимается на борьбу с большевиками. Его высокопревосходительство поступил мудро, поручив возглавить десант именно вам. Вы пользуетесь уважением и любовью среди казаков и одного вашего слова достаточно, чтобы объявить сполох и повести за собой народ.

– Весьма признателен вам, за столь высокую оценку моей скромной персоны, – усмехнулся генерал, – что вы хотите?

– Коня и шашку, – ответил Омельченко. Улагай кивком указал на повязку, всю в бурых пятнах запёкшейся крови: – Как вы посмотрите, если я предложу вам должность офицера особых поручений. С вашим знанием области и местного населения вы можете быть полезны при штабе.

– Ваше превосходительство! – Омельченко встал, – осмелюсь напомнить, что с началом войны вы, находясь в отпуске, прибыли к театру военных действий и будучи тяжело раненым, предприняли все меры для скорейшего возвращения в строй²⁰.

– Да... – задумчиво произнёс Сергей Георгиевич, – были когда-то, и мы рысачами, – и отогнав от себя воспоминания, спросил: – Где вы обучались?

– В славной школе!²¹ – вытянувшись в струну, ответил Свят и после секундной паузы добавил: – По славной училищной традиции!

Улагай встал и протянул руку: – Очень рад встретить однокашника, хотя, мог бы и сам догадаться по вашей выправке. В волчью сотню к Колкову²² пойдёте?

Омельченко щёлкнул каблуками и склонил голову: – Почту за честь, ваше превосходительство!

– Алексей Петрович! – он взглянул на адъютанта, который все это время безмолвно стоял около двери. – Пригласите фельдшера, пусть обработает рану, накормите ужином и определите на ночлег. Утром распорядитесь выдать обмундирование и направьте к Колкову.

Свят уже направился к двери, когда Сергей Георгиевич неожиданно спросил: – Скажите, есаул, Лермонтовская борозда ещё не стёрлась?

– Никак нет, ваше превосходительство! Это место в курительной комнате по-прежнему священо для каждого юнкера!

Полковой фельдшер обработал рану и сделал укол: – Вам повезло, есаул, кость не задета, – и, наложив свежую повязку, добавил, – завтра к вечеру зайдёте, сменим бинт.

– Завтра к вечеру я уже надеюсь быть в боевых порядках полковника Колкова – ответил Свят.

– Тогда вам, вернее, вашей ране повезло! У Георгия Ивановича практикует прекрасный врач, коллежский асессор Всеволод Игнатьевич Белоклинский, не затруднитесь передать от меня нижайший поклон! А я вам сейчас коечку приготовлю.

Утром, увидев в окно адъютанта, Омельченко подошёл к нему: – Алексей Петрович, доброе утро! У вас есть время заняться моим обмундированием?

Поручик, сняв фуражку, пригладил волосы и вздохнул: – Видите ли, господин есаул, Сергей Георгиевич дал распоряжение но, по всей видимости, не учёл того, что все склады остались по ту сторону пролива. Когда мы грузились, предпочтение было отдано боеприпасам. Даже фураж по летнему времени не брали, так что одеть вас будет довольно затруднительно.

– Может быть, имеются скрытые резервы, или возможны какие либо варианты?

Адъютант смущённо отвёл глаза: – Мне право, неловко вам это предлагать. Вчера в бою был убит есаул Лахно, если не побрезгуете...

– Не побрезгую, – усмехнулся Свят, – где он лежит? В лазарете?

– Да! Вернее нет, рядом с лазаретом сарай..., он там.

– Сейчас схожу, он там один? Не придётся трупы ворочать?

– Там двое, он и подпоручик Мещеряков, – ответил Алексей Петрович, и зачем-то добавил, – артиллерист.

– Для него это уже безразлично, – с трудом подавив зевок, произнёс Омельченко, – я надеюсь, что есаул не под шрапнельный огонь попал?

– Нет, нет, – адъютант замотал головой, – пулевое ранение в голову.

– Уже лучше, я потом вас найду, поможете с конём и шашкой.

– Это всё можете взять там же, ещё не успели разоружить. Кстати, жеребец у него славный, около штаба привязан.

– Ну, прямо полный комплект! – пробормотал Свят, направляясь к сараю, – осталось только жену по наследству получить.

Яркий солнечный свет, в котором весело кружились пылинки, широкими лучами пробивался сквозь щелястые стены, и в сарае было светло. В нагретом воздухе уже стоял пригорно-сладковатый тяжёлый запах. Есаул лежал у дальней стены, удивленно глядя в потолок. Свят прикрыл ему глаза и бегло осмотрев тело, довольно кивнул, пуля осталась в черепной коробке и черкеска с погонами 1-го Екатеринодарского полка не пострадала. «Будем считать, что перевёлся из хоперцев в екатеринодарцы», – ухмыльнулся он про себя.

«Шаровары и сапоги мы с тебя снимем, а вот с черкеской придется повозиться. Закоченел ты, братец!» – подумал он, – «хорошо, что лето на дворе, а то бы черта с два согнул бы», – он, с силой надавив на носки, выпрямил стопы и быстро стянул сапоги.

Несмотря на жару, руки сгибались с большим трудом, но в конце концов ему удалось снять бешмет и черкеску, из которой выпал маленький сверток. Он развязал его и в ладони тускло сверкнули два потёртых временем креста: «За Порт-Артур», «За степной поход» и знак выпускника Николаевского кавалерийского училища. Свят приколот к натальной рубахе покойного, а знак, со словами: – Извини, есаул! Имею право на ношение! – прикрутил на черкеску.

Сапоги слегка жали, Омельченко огляделся и, увидев лежащего у противоположной стены подпоручика, снял с него почти ненашенные, хромовые сапоги, которые пришлось в самый раз.

Пружинисто покачавшись на носках, он осмотрел оружие и остался доволен. Вычищенный и смазанный наган, отлично заточенная лёгкая шашка и кинжал в красиво отделанных серебряных ножнах, были в прекрасном состоянии. Омельченко уже подошёл к двери, как вдруг позади раздался непонятный звук. Тело есаула под воздействием неведомых сил повернулось набок, ударив рукой об стену.

Свят вернулся и, оторвав от кальсон тесёмки, связал покойникам руки на груди. Придав телам благопристойное положение, он прочёл молитву «Об упокоении православных воинов, за веру и Отечество на брани убиенных». Затем перекрестился и, не оглядываясь, вышел из сарая. Взяв у фельдшера кусок мыла, Свят выстирал форму, разложил на солнце и направился к штабу знакомиться с конём. К полудню одежда высохла, и, вскочив в седло, через три часа он уже прибыл в расположение «Волчьей сотни».

Южная безлунная ночь чёрным покрывалом накрыла землю, в небе зажглись мириады звезд. От лиманов потянуло прохладой, и появились ранее неслышные звуки ночной жизни. Бледными зеленоватыми огоньками, под стрёкот цикад проносились светлячки. Кое-

где под трухлявыми пеньками призрачно голубели гнилушки. С тихим шуршанием, не торопясь, вышла на прогулку ежиная семья. На окраину Лебедей они подошли далеко за полночь.

– Я сейчас до брата схожу, а вы здесь побудьте. Ближе не подъезжайте, а то собаки брехать начнут, – сказал сапёр и передав повод, быстрым шагом направился к смутно белеющим неподалеку хаткам. Через полчаса послышались шаги. Из темноты появились двое мужчин.

– Брат мой, Сидором величают, – представил он спутника.

Сидор молча пожал всем руки и пошёл во главе отряда, показывая дорогу. «Как он здесь ориентируется», – подумал Лавр, вглядываясь в невидимую тропку. Неожиданно она закончилась, и перед ними появилась довольно большая хата. Рядом под навесом стоял разделочный стол и сушились сети.

– Коней можно за домом, к изгороди привязать, – кивнул головой Сидор, и вытащив из петли деревянную чурку, гостеприимно распахнул дверь, – милости прошу!

Пока бойцы раскладывали вещи, он быстро заправил три керосиновые лампы и, смахнув с длинного стола засохшую рыбу чешую, начал собирать ужин.

Когда все расселись, в темноте вдруг сверкнули два зелёных огонька, и к столу тихо приблизилась чёрная кошка. Она огляделась, грациозно прогнувшись, пошкрябала когтями валявшийся на земле деревянный чурбачок и подошла к Сабельникову, который аккуратными ломтиками нарезал сало.

– Объявилась? А я думаю, где ты есть? – засмеялся Сидор и пояснил: – Это Мотя, сама с хутора сюда пришла. У меня на стане уже третий год живёт. Умнейшее животное, скажу я вам! Ну, все понимает, прям человек, только что не говорит!

Мотя внимательно обнюхала бывшего моряка и неожиданно, вспрыгнув к нему на колени, удовлетворенно заурчала, сощурилась глазами. Сергей положив нож, потрепал её за ухом и протянул кусочек сала, очистив его от соли. Благодарно муркнув, Мотя взяла розовое, с мясными прожилками угощение, спрыгнула и, не отходя от ног, стала рвать его острыми зубами, благодарно поглядывая на Сабельникова.

– Ну всё, вас выбрала, – сказал Сидор, – ночью с вами спать будет, вы уж её не гоните, – он достал бутылку с самогонем и вопросительно взглянул на Лавра.

– По три стопки выпьем, но не больше, – ответил Лавр на немой вопрос, решив не обижать хозяина.

– Это правильно, по христианскому обычаю, – удовлетворенно произнёс Сидор, – все люди взрослые, меру знают.

Первый тост выпили за хозяина, второй за победу мировой революции. Когда все закусили, Лавр сказал: – Наливайте третью и потом о деле поговорим. Кто скажет?

– Я скажу, – Сабельников, поглаживая уютно свернувшуюся калачиком Мотю, поднял кружку, – давайте выпьем за то, чтобы кошка была кошкой, собака – собакой, а люди оставались людьми!

Лавр никак не решался начать совещание при постороннем. «Можно ли ему доверять?» – напряжённо думал он, понимая, что пауза затягивается. Неожиданно на помощь пришёл сапёр: – Вы, Лавр Павлович, за Сидора не волнуйтесь. Он ещё в 17-м в партию вступил, и членом солдатского комитета был, а в 19-м, в артиллерийской бригаде под Петроградом против Юденича воевал, даже один танк самолично подбил!

– Да, я в общем то и не волновался, – ответил Лавр, и про себя подумал – «Чего от него таиться, если он знает где лагерь».

Закурив папиросу, он развернул карту: – До Роговской около пятидесяти верст, а до Гривенской десять. Завтра в 7.00 выдвинемся двумя отрядами. Первым отрядом командует Сабельников, вторым я. Сергей Анатольевич, ваша задача – установить численность противника. Дождаться темноты и постараться вывести из строя полевую артиллерию и технику, если

таковая имеется. Моя группа направится в район Роговской. Задачи те же, но основная – это предотвратить подвоз боеприпасов.

– А как вы до Роговской двигаться собираетесь, верхами? – спросил Сидор.

– Да, через Могуковку.

– Вам лучше сразу на Греки идти, – покачал головой Сидор, – почти девять вёрст срежете. Лавр взглянул на карту: – Так и поступим.

Сабельников повернулся к Сидору: – Скажи, мы сможем телегу найти и товаром каким-нибудь загрузить?

– Кавуны пойдут? Их в этом году хоть косою коси, мне дружок четыре возка на рыбу сменял.

– И мы так сделаем! Завтра с утра нагрузи телегу и жди нас на въезде в хутор. Если остановят, скажем, что идём из Поповической²³ кавуны на рыбу менять. Только вот я что думаю, нам всем вместе идти нельзя, шесть молодых мужиков подозрение вызовут, ещё под белые знамёна призовут. Я с двумя хлопцами на телеге поеду, а вы втроём через пару часов выдвинетесь с другой стороны. Аккуратненько походим по станице, приглядимся, а как завечереет, встретимся на Ангелинском ерике, и решим как действовать дальше, – он посмотрел на командира, – пойдёт такой расклад Лавр Павлович?

– Пойдёт, – кивнул Лавр, – а мы через Греки, на Роговскую направимся.

– Из варяг в греки, – улыбнулся милиционер, который был немного постарше.

– Единственное, что меня беспокоит, – задумчиво сказал Ермаков, – как с нашей группе с конями быть? На них мы в станицу не сунемся.

– У меня дядька из Роговской, – сказал один из бойцов, – живёт на крайней улице, как раз с той стороны, откуда заходить будем. У него большое подворье, там коней и оружие можно спрятать.

– Не боишься за дядьку? – спросил кавалерист, – если беляки узнают, враз к стенке поставят.

– Боюсь, конечно, – вздохнул милиционер, – а что делать?

Лавр вспомнил, что его зовут Трофим и произнёс: – надо риск свести до минимума, за пару-тройку вёрст где-нибудь спрячемся. Ты сам сходишь на разведку, а потом и мы выдвинемся, – он внимательно всех оглядел и добавил: – Товарищи милиционеры, одной из основных задач, поставленных Реввоенсоветом, это выявление предателей и сочувствующих белому движению. Любой из них может нанести огромный вред. Поэтому прошу помнить, что каждый из вас полномочный представитель Советской власти, действующий в тылу врага по законам военного времени.

По узким улицам станичной окраины ветер гнал пыль и обрывки мусора. Кое-где не торопясь, важно прохаживались гуси, которых хозяйки загоняли во дворы.

– Что птицу домой гонишь, чай, не вечер ещё, пусть травку пощиплют, – весело сказал Сабельников молодой женщине.

– Нехай во дворе щиплет, а то в солдатский котёл попадёт, – ответила женщина, внимательно разглядывая повозку, – а вы откуда будете, я бачу не наши вы?

– Из Поповической мы, приехали кавуны на рыбу менять, – Сабельников, взял арбуз, постучал по нему пальцем и протянул женщине, – угощайся, ты первая на дороге попалась, хорошо, хоть не с пустым ведром.

– Да я не глазливая, – улыбнулась женщина, с удовольствием принимая подарок.

– Если есть у тебя рыба, можем сменить.

– Рыба то есть, только как вы её везти собираетесь по такой жаре? – хитро прищурилась она, постреливая глазами в сторону кавалериста, который был помоложе остальных и явно ей приглянулся.

Парень рассмеялся: – Да кто ж за свежую разговор ведёт! Нам, душа моя, сухая нужна! Копчёную тоже возьмём, этот товар в Екатеринодаре в трактирах и пивных с руками отрываю, – и пригладив чуб, добавил, – меня Егором зовут, а вас как величать?

– Глафира, – смуглые щёки слегка порозовели, но она, не отведя глаз, добавила, – заходите, хоть чаю попейте с дороги.

Они загнали телегу во двор и сели на лавочке под большим раскидистым орехом.

– В хате душно, и прибраться не успела, – извиняющимся тоном сказала Глафира, ставя на стол горячий самовар.

Из-за угла тяжело передвигая лапы, вышел чёрный, с рыжими подпалинами, весь в репейниках старый пёс. Он полакал воды, подошёл к гостям и внимательно всех осмотрев, лег около Сабельникова, который обмакнув в варенье кусочек хлеба, протянул псу и потрепал его за ухом.

– Глянь, Анатолич, и пёс тебя признал! – весело воскликнул артиллерист, – и вчера на ночёвке к тебе кошак прибулдился!

– Хунхуз хороших людей за версту чует, – улыбнулась Глафира, – старый уже. После японской муж его кутёнком приволок.

– А муж? – вопросительно взглянул на неё Егор.

– Живой у меня муж, – улыбнулась женщина, – пошёл до брата, кабанчика забивать.

– По такой жаре? – удивился Егор.

– А что, лучше чтоб солдаты забрали? – спросила в ответ Глафира.

– Откуда они взялись? – сделав удивлённое лицо, спросил Сабельников.

– Вы хлопцы чи шо²⁴, из Америки приехали? – недоумённо спросила женщина, – нешто не знаете, что Врангель десанту высадил! На Екатеринодар идёт!

– Так он же в Ахтарях высадился! Мы поэтому на Гривенскую и пошли, чтоб с ними не столкнуться.

– Вот и пришли! У нас генерал какой-то стоит. Фамилия у него не русская, двойная какая-то. Пушки у него, кони, – вздохнула она, – только жить начали спокойно, так на тебе! Опять война! Только два дня стоят, уже у половины станицы птицу да скотину сожрали. Хорошо хоть, что мы с краю живём.

– Не свирепствуют хоть? – спросил артиллерист, которого как выяснилось, звали Анисимом.

– С народом особо не лютуют, что с нас взять, а вот активистам, кто не успел уйти, худо пришлось. Чекиста, он у нас оперуполномоченным был, зарубили. Молодой совсем хлопчик, баский²⁵ такой! Наверное, бумаги какие-то забыл и назад вернулся, тут кавалеристы навстречу! Он двоих застрелил, а третий его пашкой достал. Милиционер у нас Спиридон Евграфович, хороший дядька, из станичных, у всех в уважении был. Повесили его и жинку плетьюми отходили, чтоб под ногами не путалась, когда из дома забирать пришли.

– А что, он по форме ходил? – лениво спросил Сабельников, наливая очередную кружку чая, – видать по ней и узнали, кто он есть.

Глафира всплеснула руками: – Да он дома хворый лежал! На него Прохор показал, ещё тот гад! Ни в жисть товар в долг не отпустит!

– Лавку, что ли держит? – зевнув, спросил Анисим.

– На рынке самый большой лабаз его, – вздохнула Глафира, – и дом у него каменный, железом крытый, аккурат супротив церкви стоит.

Допив чай, они поблагодарили хозяйку и, подарив на прощанье ещё два арбуза, милиционеры поехали в центр станицы.

Когда они свернули с окраины, сразу стали заметны признаки скопления войск. Навстречу прошли два солдата, разматывая телефонный провод, в конце улицы казачий полувзвод у колодца поил коней, а неподалёку проехали три телеги гружённые снарядами.

– Запоминайте, куда провод тянут, – не оборачиваясь, произнёс Сабельников.

Около правления на земле валялась измазанная в грязи красная тряпка, в которой с большим трудом можно было узнать знамя. Рядом, на телеграфном столбе висел человек. На босых ступнях и безвольно повисших руках, уже проступили синие с прозеленью пятна. Узел был затянут спереди, голова задралась вверх, и лица, на котором сидел большой чёрный ворон, не было видно. Он раскрыл крылья, каркнул и стал перебирать когтистыми лапами, от чего повешенный начал медленно вращаться.

Егор непроизвольно потянул с головы картуз.

– Не трожь кепку! – тихо сказал Сабельников, – не разглядывая и не останавливаясь, проезжаем мимо. Он не успел закончить фразу, как сзади раздался резкий окрик: – Стоять, господа путешественники! Куда путь держим?

Молодой подпоручик, с солдатом и вольноопределяющимся²⁶ стоял, положив руку на кобуру: – Ну так куда путь держим? – повторил он, поигрывая стеклом.

– Да мы, собственно ваше благородие, уже пришли, – спокойно ответил Сабельников, – из Поповической, кавуны на рыбу менять подрядились хозяину.

– Какая к черту рыба! Что ты за чушь мелешь? – презрительно произнёс офицер.

– Никак нет, вашбродь! – хитро прищурился Сергей, – вот, сами рассудите, через неделю вы будете в Екатеринодаре...

– Мы там раньше будем, – перебил его вольноопределяющийся.

– Дай-то Бог! – покладисто согласился он, – после похода зайдёте с товарищем в ресторацию пива попить, а вам к нему рыбки копчёной или тараночки подадут, это уж на ваше усмотрение! Выпьете, закусите и нас вспомните, потому что мы, вас ожидаючи, её вперед доставили!

– Почему не в армии? – спросил подпоручик.

– Комиссованные в чистую. Я по ранению, а они газа наглотались.

– Чего-то не похожи они на отравленных вашбродь, ряшки больно гладкие, – неожиданно влез в разговор солдат.

– Так почитай пять лет прошло, – сказал Егор, – климат у нас целебный. Два года под комиссарами жили, даже ихний доктор нас забраковал.

– Разгружай телегу, – отрывисто скомандовал подпоручик. Они начали складывать арбузы на обочину. Сабельников похвалил себя за то, что предусмотрительно привязал наганы под днищем. Вольноопределяющийся лениво наблюдал, как его приятель шевелит стеклом солому: – Дмитрий, пошли! Уже адмиральский час на носу! Ну, сколько можно!

Поковыряв для приличия сено ещё пару минут, он, наконец, сказал: – Езжайте! – и патруль направился в противоположную сторону.

– Анисим, садись управлять и держи в сторону, куда возки со снарядами пошли, – сказал Сергей.

– Надо будет к лабазнику наведаться, – сквозь зубы процедил Егор.

– Это перед уходом, – строго ответил Сергей, – его ещё одного поймать надо, чтоб без семьи был.

Сабельников шёл, держась за борт телеги, и, завидев военных, протяжно покрикивал: – Кавуны сладкие! На рыбу меняем!

– Вон, смотрите, – тихо сказал Анисим, – на том берегу пушки стоят.

– Вижу, – ответил Сергей, внимательно разглядывая батарею трехдюймовок²⁷, – надо брод искать, и поближе к ним подойти.

Они медленно пошли вдоль берега, и через полторы версты, переправившись на другую сторону, направились к позиции. Издалека было видно, что артиллеристы отдыхают и занимаются своими нехитрыми солдатскими делами. Поравнявшись с батареей, Сабельников громко сказал: – Анисим! Угости служивых кавунчиком, выбери из тех, что для я для нас отложил.

Анисим, для виду поковырявшись, взял арбуз и подошёл к солдатам: – Угощайтесь, на полчаса в речку закиньте, ещё вкуснее будет!

– Благодарствую, – ответил один из солдат, бережно принимая арбуз. Он взвесил его на руке: – Знатная фрукта. Откуда сами будете?

– Из Поповической, – сказал Анисим, – приехали на рыбу менять, у нас тарань в пивных хорошо уходит, – и почесав затылок, спросил: – Надолго стали?

– Не знаем... Говорят, по утрам тронемся.

Стоявший у телеги Егор радостно хлопнул в ладоши: – На Екатеринодар пойдёте? Комиссарам фитиля вставлять? Хорошее дело! Богоугодное! Эх, будь у меня здоровье, с вами бы майнул!

Приглаживая усы, к ним подошёл старший фейерверкер: – Так давай! Вид у тебя не чахоточный.

Егор вздохнув, повторил рассказ об отравлении газами.

– А где повоевать довелось? – спросил один из артиллеристов.

– В Мозыре, по Припяти боевой катер гонял, германца вглубь России не пускал, а когда они штаб обстреляли химическими снарядами, я и траванулся. Хорошо ума хватило на дерево залезть.

– Так ты и в моторах разбираешься?

– Есть немного, всё – таки мотористом был – скромно ответил Егор.

– Жаль, а то у нас броневедомитель около штаба стоит, а водитель там бестолковый.

– На броневиках бензиновые движки стоят, а у нас на катерах дизеля, – степенно ответил

Егор – Я в них особо не маракую.

– Мы к вам повечерять приедем. Примете?

– Отчего не принять? Хорошим людям, да ещё, если они не с пустыми руками пришли, мы всегда рады.

– Тогда поедем, меню сделаем, а вечером к вам? – утверждающе спросил Анисим, и после секундной паузы добавил: – Вы горилку употребляете?

Солдат степенно кивнул: – Ну если в плепорцию²⁸, то с хорошими людьми можно и употребить.

Они развернули телегу и направились к броду.

– Давайте сначала в лабаз зайдём, возьмём самогону и еды – сказал Сабельников и взглянул на Анисима, – как пушки портить будем?

– А очень просто! Я бачу, они за матчастью не следят и стволы не банят. У них нарезки медью от направляющих поясков забиты. По полстакана масла и паре горстей песка в ствол запусим. При первом же выстреле его раздует или разорвёт, они у них сильно изношенные.

Солнце палило невыносимо и обливаясь потом они, в конце концов, добрались до лабаза, устало вошли во внутрь и, облегченно вздохнув, поздоровались.

Крепкий мужик, с черной бородой, в которой поблескивали серебряные нити, настороженно исподлобья оглядев их, ответил на приветствие.

– Нам бы масла постного бутылку, круг колбасы, ситного и горилки четверть – сказал Сергей.

Мужчина, поджав губы, покачал головой и запустив пятерню в бороду спросил – Рассчитываться чем думаете?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.